

РИСК И СПЕЦИФИКА ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

*Если бы люди договорились об определениях,
то споров бы не существовало.
Демокрит*

Аннотация. В статье представлено современное социально-философское толкование понятия *риск* и его специфические особенности в политической сфере, с использованием статистических исследований положения в Российском обществе. Рассмотрен вопрос о недостаточном учете основной детерминанты риска современной России – «исторический» менталитет.

Ключевые слова: философия, политика, риск, детерминанты, менталитет, исследования, кризис, гражданское общество.

A. Naumenko

RISK AND SPECIFICITY OF ITS DISPLAY IN POLITICAL SPHERE OF A LIFE OF THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract. In article modern socially-philosophical interpretation of concept risk and its specific features in political sphere, with use of statistical researches of position in the Russian society is presented. The question on the insufficient account the basic determinants of risk of modern Russia – «historical» mentality is considered.

Key words: philosophy, a policy, risk, determinants, mentality, researches, crisis, a civil society.

Данный эпиграф не случайно предопределяет статью. Достаточно сложно осмыслить и подытожить, собрав воедино, все теории, взгляды или точки зрения, учесть междисциплинарный подход в области риска как такового и политического в частности, учесть и разобраться в его специфике, форме его проявления. Категоричность суждения Демокрита воодушевляет, но это может иметь значение, скорее, с теоретической точки зрения. Дальнейшее развитие науки требует введения новых понятий и терминологии, наполнения новым содержанием, либо отказа от старых, как морально устаревших, несоответствующих современным реалиям. С другой стороны, давая определение понятию «риск» и предмету «политика», мы позволяем себе предметно обсуждать, теоретизировать, анализировать, причем достаточно корректно. Изучение специфики проявления риска применительно к разным сферам деятельности человеческого сообщества – есть несомненная прерогатива конкретных (частных) наук, в конкретной (частной) области, но общество не есть набор неких механизмов и средств (инструкций, документов, законов) их управления. Необходимо понять, и что более важно, принять, как бы мы ни складывали и ни исчисляли результаты исследований, поисков решений, наработок в областях отдельных наук, – целостной картины модели риска (в частности, в области политики) нам не получить. Мы получим мозаику целого, без возможности вли-

* © Науменко А.П.

яния, управления, реконструкции механизма риска в общественном, социальном, политическом процессе, увидим лишь конкретные элементы и детали.

Именно социально-философский подход важен не только тем, что позволяет анализировать, но и управлять риском, имеет исторически общее понимание основополагающих ценностей, принципов, аксиом и постулатов в разных областях деятельности человека и устройстве окружающего мира в широком понимании этого слова. Риск сочетает в себе вероятность (появление) неблагоприятного события и объем (последствий) этого события (потери, ущерб, убытки). Эти две, на первый взгляд, простые, но взаимосвязанные меры определяют действия субъекта (личности, партии, объединения или другой формы и сочетания) в условиях неопределенности или опасности. Перебирая различные комбинации (сочетания), адекватные сложившейся ситуации, субъект оценивает степень неопределенности (риска), принимает решение о необходимых действиях, корректируя количественные и качественные составляющие этих действий. Принятые меры воздействия на критическую (неудовлетворительную, с точки зрения субъекта) ситуацию вынуждают субъекта делать новый выбор, создавая цикличность неопределенности, уровень которой определяется субъектом как мера уровня опасности (риска) в его понимании. В этой связи можно предположить три ситуации (идеальные), которые прозрачны, логически непротиворечивы суждениям субъекта об опасности (риске), ее степени:

- вероятность возможного события весьма большая, но ущерб субъекту, связанный с этим событием, равен нулю (или бесконечно мал): в этой ситуации субъект ясно понимает, что он не подвергается опасности (риск равен нулю);

- ущерб от возможного события велик, но вероятность его появления равна нулю: следовательно, опасности нет (риск равен нулю);

- вероятность события и ущерб от него равны нулю: ситуация характеризуется как достоверное отсутствие опасности (абсолютная безопасность).

Во всех других случаях, когда и вероятность, и ущерб принимают конечные значения, субъект оценивает сложившуюся ситуацию как опасную, характеризуемую соответствующим риском [12]. С другой стороны, отмечая неопределенность (вероятность) возникновения рискованной ситуации, и как следствие, нанесение ущерба (возможной неудачи, опасности, материальных или других потерь) субъекту от этого события, необходимо отметить другую сторону риска (до некой степени положительную): «с другой стороны – риск отождествляется с предполагаемой удачей, благоприятным исходом» [1].

В рамках данной статьи, когда вероятность и ущерб принимают конкретные значения, субъективно оценивая сложившуюся ситуацию как опасную (неудовлетворительную, не соответствующую целям и задачам), мы вводим дополнительное определение «политический», тем самым конкретизируя одну из граней мозаики философской категории «риск». Специфика развития современного научного знания создает не только возможность, но и необходимость проведения социально-философского исследования политического риска в России, особенности (специфики) его проявления, оценки количественной и качественной составляющей, и, как следствие, появления возможности прогнозирования и управления, имеющей прикладное значение. В этой связи необходимо определиться с понятием «уровень риска». *Уровень риска* – это количественная оценка ситуации (отражающая степень неопределенности в принятии решения) с учетом ущерба, обусловленного возможными нежелательными последствиями принимаемых решений. Практически уровень риска характеризует

степень ответственности или безответственности того, кто выбирает пути решения задачи. На практике оценки политического риска даются для различных временных горизонтов, выбор которых определяется спецификой решений, требующих учета оценок риска. Оценка проводится на различных уровнях: «глобальном, региональном (по группам стран), национальном, по отдельным регионам внутри страны (по краям, областям, республикам)» [5].

Политический риск обуславливается множеством факторов неопределенности, вызванных, в первую очередь, недостаточной рациональностью политики, сложностью и обширностью этой области. Условно их можно подразделить на следующие типы:

- информационные, возникающие при отсутствии четкой и полной информации обо всех протекающих политических процессах, некачественного анализа политической ситуации в целом, неадекватного реагирования властей на нее, отсутствием четкого подсчета приобретений и утрат, непониманием и игнорированием интересов других участников политических действий и т.д.;

- социальные, вызванные нестабильностью, агрессивностью и радикализмом проводимого политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населения проводимой политики, политическими, этническими и другими конфликтами, безработицей, тяжелым экономическим положением, наличием множества нерешенных социальных проблем;

- персональные, связанные с личностью политика, неустойчивостью его поведения, склонностью к автономии без учета коллективного характера политических действий, повышенной склонности к риску. Правда, необходимо отметить, что некоторые политики более эффективны именно в необычных и опасных ситуациях, ощущают удовольствие в них и иногда их сами же и создают;

- правовые: зачастую, политический риск возникает вследствие правового и морального нигилизма, невыполнения принятых условий политических взаимодействий и коммуникаций, нарушения требований закона и норм соглашений, имеющих морально-политический характер;

- экономические: причиной политического риска могут также стать: отсутствие необходимых денежных ресурсов для проведения тех или иных реформ, отсутствие развитой и стабильной экономической инфраструктуры, неликвидность государственных акций предприятий, отсутствие четкой экономической программы, отсутствие прямых инвестиций в страну, непродуманная валютно-кредитная политика и т.д.;

- случайные: наряду с вышечисленными факторами, одним из источников политического риска выступает непосредственная случайность политики, которая ведет к появлению непредвиденных и нежелательных событий, (болезнь, отставка политических деятелей, несчастные случаи, природные катастрофы и так далее), рождающих всевозможные угрозы и опасности [4, 140].

При анализе политической ситуации необходимо выявить сущность и противоречивость, черты и элементы, их свойства, определяющие целостное представление о политическом риске в России, как комплексного и многогранного явления, имеющего свои исторические, культурные и национальные корни. Исследуя и оценивая политическую ситуацию современной России, будем руководствоваться следующими критериями:

- наличием и позицией основных партий и объединений, обладающих реальным влиянием на принятие государственных и политических решений;

- динамикой влияния политических партий и объединений в докризисный и кризисный период, реакцией общества;
- личностная позиция и политика руководства партий и объединений.

Для проведения условно объективного количественного и качественного анализа воспользуемся данными мониторинга ИСПИ РАН, ВЦИОМ. Исследования в вопросе отношений между властью (администрация и политическая элита) и общества России показывают, « большая часть российских граждан вообще считают, что политическую систему страны необходимо изменить: радикальным образом (16%) или устранить многие недостатки (50%) » [9, график 2]. Это говорит о том, что, несмотря на положительную динамику и характер отношений общества к политическим и социальным институтам [9, таблица 9, 10], продолжают сохранять высокий уровень « риска » проведения политического, социального, административного преобразования России. Существующая структура количественных предпочтений такова: « только 33% респондентов отдают предпочтение « Единой России », 11% — КПРФ, 9% — ЛДПР, 7% — « Справедливой России » », что позволяет делать вывод о наличии основного признака демократического государства — многопартийность. С другой стороны: « четверть опрошенных (22%) не отдают предпочтения ни одной из партий, 19% затрудняются ответить » [9], значительная часть общества не участвует в процессе политического преобразования, имеет пассивную, а иногда — негативную позицию в отношении них. Это лишь следствие, причины же — в исторических, национальных, религиозных и других особенностях России. Вывод « пока рано говорить о создании в стране партийно-политической системы, устойчиво функционирующей, органичной социальной структуре общества » [9, таблица 11]. По проведенным исследованиям ВЦИОМ, « чуть меньше 40% россиян не смогли сориентироваться с выбором наиболее близкого для себя идеологического направления », что подтверждает выводы других исследований в отношении партийного предпочтения. Динамика изменения взглядов, их идейно-политических ориентаций, в докризисный период и в условиях начавшегося кризиса, казалось бы, должны претерпеть если не радикальные, то хотя бы существенные изменения. Однако, « левые » по своим взглядам россияне, отдающие приоритет социалистическим идеям, социальной справедливости, равенству, защите интересов людей труда составили 18% (в ноябре 2008 г., при первых симптомах кризиса, эта цифра поднялась до 24%). « Правые », отдающие приоритет либеральным идеям, экономической свободе, правам человека, политической демократии, сближению с Западом, набрали 13% (в ноябре — 14%). А самую большую поддержку получили « национал-консерваторы », отдающие приоритет традиционным русским ценностям, независимости и самостоятельности России, укреплению ее как сильной державы — 31% (в ноябре — 33%) ». И вновь мы видим российскую специфику и особенность реакции поведения и отношения, имеющим исторические, национальные корни. По возрастной специфике ориентации, мы вновь сталкиваемся с российской исторической (период 1985-2009 гг.) реальностью. « Левые » взгляды в несколько большей степени характерны для старшего поколения россиян, перешагнувших 60-летний рубеж (24% из них — « левые », тогда как среди молодежи до 35 лет эта цифра составляет 14%). « Либеральная » идеология, напротив, в большей степени привлекает молодежь (17% в возрасте до 35 лет — « либералы », а в группе 60-летних — только 8%) [2]. Вывод: старшее поколение имеющее опыт жизни при другой форме государственной власти (точнее, радикальное изме-

нение как территориальной, так и политической составляющей), составляет значительную группу «либералов», затем следует количественный провал (связан с периодом жестких социальных потрясений 1990-2000 гг.) и вновь постепенное нарастание «левых» взглядов (среди молодежи). Но и здесь мы сталкиваемся с российской особенностью: «Национал-консерваторы же практически равномерно распределены по всем возрастным группам» [2], а что еще более, то «самую большую поддержку получили «национал-консерваторы», отдающие приоритет традиционным русским ценностям, независимости и самостоятельности России, укреплению ее как сильной державы – 31%» [2]. Можно предположить, что мотивирующей силой в создании мощной коалиции в самом центре политического спектра, вне зависимости от политической окраски (левые, правые, патриоты), является необходимость «сплочения общества вокруг самых базовых, жизненно необходимых ценностей укрепления государственности страны» [2], что ««политическое единomyслие» – совершенно не повод обвинять россиян в особой сервильности и невысокой гражданственности». Понятно, что политические битвы отложены на «лучшие времена». Подобная реакция показывает, что общество не против предлагаемых и проводимых реформ, сколько руководствуясь ментальными установками подсознания за сохранение существующего образования (государства, этноса и т.д.), готово поступиться ими (реформами) ради сохранения в целом. Массовое сознание социального общества руководствуется не целями реформ, но формой и средствами их проведения. Современное гражданское общество в России моноцентрично вокруг единичной политической фигуры (В. Путин (45%)) [9] и, как следствие, слабо структурировано по партийно-политическим предпочтениям. Исторический путь России всегда предполагал наличие единовластного лидера, диктатора или иной политической фигуры, сочетающей в себе право административного действия; общество, «объединившись» с ним, становилось носителем идей, политического образа и подхода действий. При этом выпадало срединное звено (демократические институты власти, общественные или профсоюзные организации т.д.), что приводило к росту риска, неопределенности (непредсказуемости) последствий принятых политических и прочих решений. Подобное состояние относится к субъективной [11] группе факторов. Рассматривая политическую ситуацию современной России, нам необходимо внести на рассмотрение вопрос о целепологании в политике. Исходным пунктом любой политической технологии является формулирование основных задач, установок, конечных результатов, ради достижения которых предпринимаются те или иные действия. Являясь важнейшим элементом в теории политики, целепологание помогает объяснить действия субъектов политики через цели, которые они ставят перед собой, и знание ими условий и средств реализации этих целей.

Категории действия следующие: а) формирование политических целей посредством создания политических программ, идеологических установок; б) принятие политических решений субъектами с учетом сформированных целей и социально-политических условий; в) реализация поставленных политических целей путем осуществления определенных политических действий. По теологическим идеям Гегеля, «средство выше, чем конечные цели внешней целесообразности». Проблема сложности осуществления, по Гегелю, заключается не столько в самой по себе субъективной и деятельной цели, сколько в объективном ее осуществлении, а, значит, в средстве, в реальной деятельнос-

ти. Лишь они дают цели определенное содержание и переводят ее в результат. Цель, поставленная кем-либо, не соответствующая социально-экономическим, политическим условиям данного общества, не реализуема, но делает это общество односторонним, неполным, неистинным; такое общество начинает разрушаться. Все основные партии: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» (и их политическая элита), имеющие определенное влияние на процесс формирования и реализации поставленных целей и задач в спектре средств их выполнения, мало чем отличаются. Цели поставлены излишне обобщенно, не сформулирована национальная идея в рамках современной многонациональной России (не учтены особенности этносов), не проработан конкретный механизм реализации и исполнения. Фактически, имеет место быть столкновение накопленных исторических ментальных репрезентаций общественного сознания с новыми представлениями общечеловеческих идей (демократия, свобода слова и др.), социальных проблем (налоги, земельная рента и др.) политическим реалиями (либералы, демократы, гражданское общество, политическая ментальность и т.д.). В результате государственных, политических, территориальных преобразований, социальные последствия становления и развития рыночных отношений следующие:

- появление нетрадиционных источников роста доходов;
- завоевание гражданами нового статуса в обществе – структурная модернизация экономики;
- расширение хозяйственных и культурных связей с другими странами и народами предопределило появление противоречий в гражданском обществе;
- рост политических последствий – социальные конфликты.

Наличие противоречивых тенденций на политическом поле современной России усиливает политизацию общественной жизни, приводит к дисбалансу групповых отношений. Столкновение разнообразных политических потоков вызывает серьезные кризисы и способствует ценностному расколу общества, инициирует протест широких социальных слоев населения [6]. Причины этих кризисов кроются в тысячелетней российской истории, в особенностях массового сознания россиян, наработанных ментальных ценностях и представлении, что «ментальность обеспечивает связь времен и преемственность поколений» [8]. Массовое сознание – один из видов общественного сознания, реальная форма практического существования и воплощения, особый и специфический вид, свойственный значительным неструктурированным множествам людей (массам). Совпадение в какой-то момент исторической реалии (яркое эмоциональное переживание социальной проблемы, вызывающей озабоченность), основных (или наиболее значимых) компонентов сознания, большого числа разнообразных общественных групп, однако оно не сводимо к ним. По структуре массовое сознание включает эмоциональный и рациональный уровни. Проявление массового сознания в основе стихийное и неорганизованное, ситуативное и временное, связанное с конкретными обстоятельствами. Массовое сознание всегда конкретно, несмотря на эмоциональность, мозаичность, изменчивость и подвижность.

Общественное мнение и массовое настроение в определенные периоды развития выступают как макроформы массового сознания. Общественное мнение содержит скрытое или явное отношение к происходящим событиям и действует во всех сферах жизни общества. В основном, массовое сознание содержит быстроизменяющиеся компоненты, что связано с необходимостью быстрой адапта-

ции «масс» к быстроизменяющимся условиям (природным, экономическим, политическим и т.д.). Часть, сравнительно небольшую, но жизненно необходимую, занимает «менталитет как способ осознания людьми своего природного и социального окружения» и является «фундаментом массового и общественного сознания» [8]. В понимание менталитета входят особо важные индивидуальные составляющие, такие как традиции, культура, транслируемые из поколения в поколение. Скрытые в сознании образы и представления позволяют сохранять свою идентичность даже при смене идеологической, социальной платформы общества в результате внутреннего или внешнего воздействия (революция, переворот, выборы и т.д.). «Менталитет не философская, научная или эстетическая системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания» [5]. В полемическом понимании существует определение условно называемое «политический» менталитет. Это понятие можно трактовать по-разному, но большинство исследователей склонны наделять это понятие общими признаками, такими, как: «совокупность мироустановок, привычек мышления, нравственных ориентаций, верований, манер поведения, характерных для общности людей или конкретного индивида, обусловленных отношением к властным структурам и их оценкой; совокупность установок, эмоций и настроений разнообразных политических субъектов, проявляющихся непосредственно в политической активности; совокупность повседневных осознанных и неосознанных представлений, ценностей, характерных для той или иной социальной общности» [9]. Менталитет – это глубинное основание индивидуального и коллективного, мировосприятия и мировоззрения человека и общества. Вбирая опыт определенной нации, менталитет создает в сознании «память о прошлом», становясь не системой ценностей, а системой правил выработки ценностных суждений, определяет способы мышления и поведения конкретных людей (лидеров, вождей и т.д.) и общества в целом. В ходе длительного исторического процесса общественное образование (нация или некоторая общность этносов) создают определенную модель, оценки и восприятия политического, экономического и социального поведения, становясь «детерминантой поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [9]. Менталитет двойственен по своей сути: с одной стороны, он занимает активную позицию, побуждая этнос к дальнейшему историческому развитию, с другой – пассивен, инертен, выступает в качестве барьера, отталкивающего все, что чуждо накопленному историческому опыту (либо в силу новизны, либо отсутствия оценки). Главная задача менталитета в массовом и общественном сознании не в механизме изменения, а в обеспечении безопасности и стабильности этноса. Значительная роль до принятия и выполнения решения (программы, каких-либо реформ т.д.) отводится на разработку этого проекта. В условиях современной России, быстро меняющейся политически, экономически и социально, этапы разработки и внедрения крайне малы, что повышает требовательность к качеству этих проектов. В этой связи этапы разработки и внедрения протекают практически одновременно. Разработчики реформ находятся в зоне неопределенности, когда попытка решения первой неопределенности рождает новую неопределенность, и так происходит вновь и вновь. В этом случае приходится лишь сдерживать рискованную ситуацию (уровень риска) на «приемлемом» и «допустимом» уровне. Присутствие неопределенности предполагает наличие

различных факторов, «при которых результаты действий не являются детерминированными, а степень возможного влияния этих факторов на результаты неизвестна» [13]. Примером этих факторов могут быть: это а) неполнота или неточность информации, б) информированность о риске и его последствиях, в) преднамеренное (умышленное, в интересах определенной социальной группы) сокрытие информации, или, наоборот, распространение заведомо неточных (ложных) сведений и т.д. В процессе теоретического обоснования и продвижения реформ «новоявленные реформаторы» Гайдар, Чубайс, (видимо, не знакомые с основополагающими трудами теоретиков), опустили, пожалуй, важнейшую ипостась человеческого бытия – культуру, ее влияние на отношение и поведение человека (группы, общества и т.д.), на принятие или отторжение курса реформ. Разрыв между теоретическим обоснованием и практическим преломлением оказался так велик, что реформы принесли не столько пользы, сколько вреда во всех сферах, как то: политика, экономика и т.д. Еще в начале прошлого века антрополог Б. Малиновский писал: «...форма всегда определяется функцией, и пока такая зависимость остается неустановленной, мы не можем оперировать элементами формы в научных рассуждениях» [2]. В своей работе о функционализме он предлагает руководствоваться ясным пониманием природы культурных феноменов, культурной реальностью взглядов на политическую систему, экономическое предприятие. Только установив причинно-следственные связи, определив механизм взаимодействия и взаимовлияния, можно переходить к теоретическому обоснованию тех или иных реформ, разработки проектов решений. В своем исследовании Б.Малиновский определил пять аксиом проявлений организованного человеческого поведения:

- культура представляет собой, по существу, инструментальный аппарат, благодаря которому человек получает возможность лучше справляться с теми конкретными проблемами, с которыми он сталкивается в природной среде в процессе удовлетворения своих потребностей;

- это система объектов, видов деятельности и установок, каждая часть которой является средством достижения цели;

- это интегральное целое, все элементы которого находятся во взаимозависимости;

- виды деятельности, установки и объекты, организующиеся вокруг жизненно важных задач, образуют такие институты, как семья, клан, локальное сообщество, племя, а также дают начало организованным группам, объединенным экономической кооперацией, политической, правовой и образовательной деятельностью;

- с динамической точки зрения, т.е. в зависимости от типа деятельности, культура может быть аналитически разделена на ряд аспектов — таких, как образование, социальный контроль, экономика, системы знаний, верований и морали, а также различные способы творческого и артистического самовыражения [12].

Дав определение менталитета (как политического, исторического наследия этноса, нации) и теоретическое обоснование для рассмотрения культуры с точки зрения функционализма, попытаемся провести короткое исследование, с небольшим экскурсом в Российское историческое прошлое.

Дискуссии, основанные на отождествлении культурных (этнических) и социальных свойств людей и групп, играют важную роль как в общественных дискуссиях и идеологических программах власти, так и в повседневном мыш-

лении самых различных категорий населения. Несмотря на то, что в фокусе изучения находятся теоретические и практические аспекты современного периода, для понимания его природы необходимо: изучение предшествующего этапа складывания традиции, теоретизирования по поводу «национальных проблем» в советский период, а также выяснение особенностей советского периода в общественной жизни, как среды для формирования этнизированных моделей социального развития и анализ их наиболее характерных черт, выявление степени распространенности в академическом и массовом сознании и влияние их на практические программы в рамках реализуемой государственной политики. «В советский период, к задачам «пробуждения» народа прибавилась необходимость «вписать» его в категории, которыми руководствовалась национальная политика. То сеть создать эти самые нации, но под эгидой единого советского национального государства [10]. Дальнейшее проведение советских национальных реформ привело к этническому, а не гражданско-территориальному представлению понятия «нация». Эта двойственная трактовка понятий привела к тому, что возник интерес к «славному» историческому прошлому, к выявлению выдающихся предшественников на национальном и государственном поприще. Вследствие к компонентам, составляющим господствующий в науке и общественной жизни понятию «нация», прибавился еще один элемент: «смутное, но явно ощущаемое стремление обрести полную независимость от союзного диктата» [13]. Это стремление осмысливалось в виде «ухода в прошлое» из «неудовлетворяющего» настоящего, тем самым происходила попытка навязать представление, что «люди, обладающие несомненными отличиями в антропологическом облике, специфическими чертами «традиционного» (но несуществующего уже) уклада жизни и т.д., имеют настолько глубоко противоречащие социальные потребности и политические интересы, что нуждаются в «своих» собственных национальных государствах». Логика подобных рассуждений прямо противоречит теоретическим [2] наработкам. Антропологические или культурные особенности какого-либо этноса, находящегося в составе других этносов (возможно, имеющих больший исторический, культурный опыт), не определяют явно необходимость создания национальных государств. Тем не менее, процесс «культурного» расслоения на территории современной России, не остановлен, и яркий пример – незатухающие конфликты на Северном Кавказе, не явно выраженные территориальные притязания на приграничных территориях. Мы видим, как возникают некие «этнические общности», хотя на самом деле – это группа людей, объединенная осознанием того факта, что общие для всех них культурные признаки означают общие для всех них социальные потребности, но, что более важно – у этой общности уже существует идеология, то есть целенаправленно формируемые массовые представления. Дальнейшее развитие событий достаточно предсказуемо: рост неопределенности (риска как такового, а также политического или экономического или иного), ощущение нестабильности (неустойчивости), непредсказуемости результатов проводимых реформ. Результаты исследований политических, экономических, социальных преобразований показывают дальнейший рост неопределенности (риска), а также то, что при проведении реформ недостаточно учтены следующие условия:

- непродуманность и несовместимость властных инноваций и стратегий трансформации массового сознания без учета российской «исторической» ментальности;

- использованы чуждые на этом этапе для России западные политические

и экономические модели устройства и трансформации, натолкнувшись на сопротивление ментальной специфики массового сознания;

- не учтено многообразие культурных, идеологических и политических платформ, экономических, религиозных форм, представляющих современную Россию и имеющих собственную историческую ментальную репрезентацию на эти преобразования;

- транстерриториальные границы (приграничные споры, окружение, имеющие историческую, политическую, националистическую и т.д. окраску).

В результате мы видим, что при проведении преобразований политическая и экономическая элита недостаточно учитывала средовые и субъективные факторы, идеологические и социальные преобразования натолкнулись на инертность архетипов менталитета (люди не смогли принять и адаптироваться), имел место быть не комплексный подход к детерминантам риска современной России. В дальнейшем движении по пути преобразования необходимо более пристально рассматривать и учитывать исторический и современный материал, соотнести динамичность и инертность массового сознания и признать, у России нет будущего без учета прошлого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989. – С. 7.
2. Антология исследований культуры. – Т. 1: Интерпретации культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. (В. Malinowski. The Functional Theory // A scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, 1944. – P. 147-176.
3. ВЦИОМ Пресс-выпуск №1147 Кризис и идейно-политические взгляды Россиян: левый поворот или объединение вокруг власти?
4. Горшкова А.А. Политический риск и методы его оптимизации // Актуальные проблемы политологии: Сборник научных работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов / Отв. ред.: д.ф.н., проф. В.Д. Зотов. – М.: МАКС Пресс, 2001.
5. Гуревич А.Я. Изучение ментальностей – социальная история и поиски исторического синтеза. Советская этнография. – 1988. – № 6. – С. 18.
6. Караткевич А. Новые подходы к социальным противоречиям. Наука-Культура-Общество. – № 2. – 2009.
7. Кузнецова Н.В. Управление рисками. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004.
8. Ореховская Н.А. Самобытность массового сознания россиян. Научное сообщение. Социально-гуманитарные знания. – № 4. – 2009.
9. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.
10. Савин И.С. Этнический аспект современной социальной экономической ситуации в Казахстане (1993-1995) (Ethnic Dimension of Social-Economic Situation in Kazakhstan). Этнографическое обозрение. – М.: ИЭА, 1996. – Н. 5.
11. Толстухин О. «Политический риск: Основные детерминанты» Наука-Культура-Общество. – № 2. – 2009.
12. <http://www.filosofy.vuzlib.net/> Книга, подготовлена коллективом специалистов из МЧС России, занимающихся управлением риском, и исследователями из Академии наук, в частности, из Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Института проблем управления РАН, Института машиноведения им. А.А. Благонравова РАН, Международного института математической геофизики и теории прогноза землетрясений РАН, Московского физико-технического института, Московского и Ярославского государственных университетов, работающими в области нелинейной динамики, синергетики, компьютерного моделирования.
13. Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. New York, 1936 (русский перевод: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978. – Прим. ред.). – С. 202.